

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ
АНАТОЛИЙ МАТВИЕНКО

ОБЕЗЬЯНА С ГРАНАТОЙ

ДИЛОГИЯ
В ОДНОМ ТОМЕ

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д75

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Дроздов, Анатолий; Матвиенко, Анатолий

Д75 Обезьяна с гранатой. Диалогия в одном томе: сборник / Анатолий Дроздов, Анатолий Матвиенко. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2026. — 640 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-186175-9

Высокоразвитые, умные, прогрессивные, земляне явились на планету Гея с благородной миссией: нести свет, добро и, само собой, чувство собственного превосходства. И всё шло прекрасно, пока один любознательный абориген не решил заглянуть в ящик с пометкой «хрупкое, но смертельное». Теперь у барона взрывчатка, у Миссии — икота, а великая земная цивилизация впервые столкнулась с вопросом, который не закладывали в бортовые компьютеры: как объяснить дикарю, что граната — это не волшебный орех и не подарок богов, а очень веский аргумент закончить разговор?

Инструкции по технике безопасности местные не читают. Зато красные кнопки нажимают с энтузиазмом, достойным лучшего применения.

В общем, дорога в ад вымощена благими намерениями. И где-то на обочине этой дороги стоит обезьяна с гранатой. Осталось выяснить, кто из нас обезьяна.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Анатолий Дроздов, «Обезьяна с гранатой-1»,
«Обезьяна с гранатой-2», 2026
© Анатолий Матвиенко, «Обезьяна с гранатой-2»,
2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-186175-9

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

ОБЕЗЬЯНА С ГРАНАТОЙ-1

Глава 1

Город показался внезапно. Только что перед глазами маячила дорога: пыльная, разбитая, с колеями, прорезанными колесами повозок, она взбегала по склону и терялась в серых, безрадостных осенних облаках. И вот дорога исчезла. Взору открылась обширная котловина, далеко просматриваемая с вершины холма, а посреди нее, на скале, омываемой рукавами Соны, вознесся шпилями сторожевых башен могучий Бар де Дюк — столица герцогства, город славный и благородный, овеянный легендами и ненавидимый врагами. Словно подчиняясь торжественности момента, из-за облака выглянуло солнце. Стены и башни, сложенные из известняка, засверкали в его лучах и, отразившись в водах Соны, окрасили их в молочно-белый цвет.

Рей остановил коня и некоторое время смотрел на город. За годы его отсутствия Бар не изменился. Все та же река, те же стены и разбитая дорога, которую не успели или не захотели замостить. Рей оглянулся. Люк маячил за спиной, привычно отстав на корпус лошади. Его скуластое, смуглое лицо с глазами-щелочками не выражало эмоций. Рей сделал знак. Люк подъехал и остановился рядом.

— Нравится?

Мерриец привстал на стременах, будто желая заглянуть за стены, постоял так, после чего опустил в седло и покачал головой.

— Почему?

Люк сдвинул ладони, что означало: «Тесно!»

— Ты, как всегда, прав! — вздохнул Рей и взялся за поводья. Жеребец, предчувствуя отдых и овес в кормушке, рванул с места, но, ощутив удила, смирился и перешел на рысь. Следом устремилась кобылка Люка. Всадники спустились в котловину. Неподалеку от моста через рукав Соны, на пригорке у дуба стояла виселица. Три тела качались под перекладиной. Рей остановил коня и присмотрелся. Двое из повешенных, судя по одежде, были простолюдинами, а вот на третьем оказался бархатный зеленый камзол с золотыми пуговицами, почему-то до сих пор еще не срезанными. Сапоги казненных тоже не тронули — за виселицей явно присматривали. Лиц повешенных не разобрать — расклевали птицы. Рей качнул головой и тронул поводья.

Подвесной мост был опущен. Копыта простучали по деревянному настилу и затихли. Въезд в город преграждали ежи. Наспех сделанные из заостренных кольев, легкие, но для коня непреодолимые. Жеребец Рея, приблизившись, замер и недовольно фыркнул. Острия кольев смотрели ему прямо в грудь.

— Эй, кто там? — окликнул Рей.

Под сводами привратной караулки показался страж. Он был в полном боевом облачении: шлеме, кожаной рубахе-доспехе, обшитой железными пластинами, и с копьём в правой руке. Разглядев гостей, страж подошел ближе и протиснулся между ежами.

— Въездная грамота? — Стражник протянул руку. У него недоставало передних зубов, и черный прогал, показавшийся под губой, делал его лицо уродливым.

— Какая въездная? — удивился Рей. — С каких это пор?

— С таких! — стражник сплюнул. — Есть или нет?

— Я барон де Бюи...

— По мне — хоть граф! — перебил стражник и снова сплюнул. — Или давай въездную, или проваливай!

Рей нахмурился. Страж разговаривал грубо. В прежние времена Рей, не задумываясь, перетянул бы его мечом плашмя по наглой морде, но за прошедшие годы в Баре что-то поменялось. Не стоило нарываться. Но что делать? Гонец, прискакавший в Бюи, грамоты не привез — передал приглашение на словах. Они с Люком добирались сюда неделю. Теперь что — возвращаться?

— Жак! Кто там?

От караулки спешил воин в берете из голубого бархата и в таком же сюрко, наброшенном поверх кольчуги. Сюрко украшал черный ястреб, сжимающий в лапах меч — герб герцогства.

— Вот, господин лейтенант! — страж ткнул пальцем в Рея. — Приехал, а въездной нет. Поворачивать не хочет. Кликнуть лучников?

— Рей? — воскликнул лейтенант, взглядевшись в путника.

— Как видишь! — усмехнулся барон. — Рад видеть тебя, Тьерри! С чего загородился? Нечистая сила в округе? Или герцогиню женихи одолели? Которую? Правящую или младшую?

— Убрать! — рявкнул Тьерри, указывая на еж. — Немедленно!

— Так это... — смутился стражник. — Приказ. Не велено без въездной.

— Он назвался?

— Какой-то Дуи.

— Десять плетей! — прошипел Тьерри. — И лично прослежу, чтоб палач не щадил. Ты чем слушал на разводе? Барона де Бюи велено впускать незамедлительно, не спрашивая въездной. Забыл?

— Нам что Бюи, что Дуи, — бормотал стражник, отгаскивая еж. — Всех не упомнить. Много их ездит,

благородных. За каждого плетей получать? И без того спина порченная. Мало их герцогиня вешала...

К счастью для Жака, его не слышали. Лейтенант и соскочивший на мостовую барон обнимались и хлопали друг друга по спинам. Люк, оставшийся в седле, смотрел на это с невозмутимым видом.

— Пять лет! — воскликнул Тьерри, отступая. — А будто бы вчера. Ты изменился.

— Ты тоже не помолодел! — подыграл Рей. — Что тут у вас? Война?

— Потом! — ответил приятель, оглядываясь на стража. — Это кто? — он указал на меррийца.

— Оруженосец. Его зовут Люк.

— Узнаю Рея! — захохотал Тьерри. — Взять в шевалье меррийца!

— Можешь испытать его в поединке, — предложил барон. — Но учти: я поставлю на Люка!

— Будет тебе! — отмахнулся приятель. — Проголодался? Я угощаю. У дядюшки Огюста сегодня копченые ребрышки.

— Жив еще? — оживился Рей.

— Эту крысу уморишь! — хмыкнул Тьерри.

Сказав что-то хмурому Жаку, лейтенант вскочил в седло, и все трое втянулись в раскрытые ворота. Ехать пришлось недалеко. В квартале от городских стен, на углу двух улиц стояло двухэтажное здание, сложенное из блоков известняка. Время покрыло их пылью, балки черепичной крыши потемнели, но постоянный двор от этого приобрел только солидность. На вывеске, приколоченной над дверями, был намалеван поросенок, исходящий жиром на вертеле. Краски поблекли, но поросенок по-прежнему выглядел аппетитно. Надпись на общеимперском сообщала: «Дядюшка Огюст. Кормим вкусно, стелем мягко!»

Поручив конюху лошадей, путники шагнули в полумрак харчевни. Несмотря на полуденный час, посе-

тителей было на удивление мало. За стойкой у входа торчало лицо старика. Годы сделали его похожим на деревянную статую, потемневшую и покрытую трещинами. Завидев гостей, дядюшка Огюст (а это был он) осклабился, показав беззубые десны, и взмахом руки подозвал слугу. Тот подлетел и проводил гостей в зал для благородной публики. Люк, не желая мешать приятелям, остался в общем. Тьерри выбрал стол, и они сели.

— Вина! — приказал лейтенант. — Самого лучшего. Поросятину с хреном и ребрышки. Двойную порцию. Мигом!

Слуга словно испарился.

— Пахнет как прежде! — заметил Рей, принявшись. — Копченая свинина, майоран, базилик... И свежий хлеб, конечно.

— Хоть что-то не меняется! — буркнул Тьерри.

Барон хотел его о чем-то спросить, но в этот момент явился слуга. Сгрузив на стол кувшин с вином, кубки и блюдо, исходящее паром, он разложил ломти свежее испеченного хлеба, сбросив на них куски поросятины. Приятели подождали, пока слуга наполнит кубки, сдвинули их, выпили и набросились на еду. Поросятина оказалась чудо как хороша. Парная, в меру подсоленная и острая, она усладила рот и приятным грузом опускалась в желудок. Расправившись с ней, едоки вытерли руки хлебом и потянулись к ребрышкам. Пряное, пахнущее дымком мясо легко отделялось от косточек и, перемалываемое молодыми зубами, устремлялось в желудки, орошаемое водопадами вина. Время не имело власти над дядюшкой Огюстом: в харчевне готовили так же вкусно, как и много лет назад. Покончив с ребрышками, приятели, не сговариваясь, рыгнули и приложились к кубкам.

— Ты запоздал, — начал лейтенант. — Ждали раньше.

— В Дурге чума, — отозвал Рей, ставя кубок. — Пришлось объезжать. Это лишние два дня.

— Чума? — удивился Тьерри. — Не слышал.

— Может, и не чума, — не стал спорить барон. — Но патрули заворачивают путников. Что происходит? Заставы на дорогах, виселицы с благородными, въездные грамоты, ежи...

— Раскрыли заговор.

— Против кого?

— Правящей герцогини.

— С чего бы это? — удивился Рей. — Через месяц дочь герцога станет совершеннолетней, и регентша отправится на покой. Кому нужно?

— Не знаю! — насупился лейтенант. — Объявили: был заговор. После чего повесили графа Эно и двух его слуг.

Рей присвистнул.

— Вот именно! — подтвердил Тьерри. — Зачем богатейшему вельможе герцогства лезть в политику? Кроме девок и жратвы, его ничего не интересовало — об этом весь Бар знал. Ничего не понимаю, Рей! Эти заговоры, закрытые въезд и выезд... Люди боятся выходить из домов, рынки пустуют, купцы нас объезжают. В это время у дядюшки Огюста обычно — не протолкнуться, а сегодня, ты сам видел, — пусто. Что-то назревает, только я не знаю, что. Да и кто скажет? Я всего лишь лейтенант стражи — такой же, как и пять лет назад.

— Почему не вырос? — спросил Рей. — Провинился?

— Если бы! Жилы тянул. За пять лет хоть бы деревню пожаловали! Знаешь, сколько земель за это время раздали? И все — худородным. Провинциальные шевалье, у которых и коня-то доброго не было, превратились в баронов и виконтов. А мне, барону Д'Эмбрезу в шестнадцатом колене, — ничего! Почему такая несправедливость? Их деды копались в навозе...

— Мой тоже, — сказал Рей.

Тьерри смутился.

— Прости! Я не имел в виду тебя.

— Отчего же? — пожал плечами Рей. — Дед мой был простым вилланом, отец — мечником у маршала Родгера. Отец получил баронство после того, как маршал стал герцогом.

— Его пожаловал сам Родгер! За храбрость! А эта шлюха!..

Лейтенант осекся и огляделся. На половине для благородных, кроме них, никого не было.

— Говорят, — продолжил Тьерри, понизив голос, — она раздает титулы тем, кто ублажит ее в постели. Представляешь?

Барон пожал плечами.

— А я тяну лямку в своей страже...

— Отчего не в постели? — Рей окинул приятеля веселым взглядом. — Ты молод и хорош собой... Рискни!

— Ну тебя! — обиделся Тьерри.

Они помолчали.

— Как жена? — спросил Тьерри. — Здорова?

— Умерла, — сказал Рей тусклым голосом.

— Давно? — удивился лейтенант.

— Весной.

«Болела?» — хотел спросить Тьерри, но, споткнувшись о взгляд приятеля, не решился.

— Знаешь! — вымолвил, ослабившись. — Тут только и говорят, что о твоей победе над норгами. Целые легенды ходят. Простой барон из Пограничья вынудил норгов откочевать. Как удалось?

— Попросил.

— Шутник! — лейтенант захохотал. — Наши гадают: как сделал? Об заклад бьются. Взял в плен главного шамана или вождя? Заставил того заключить договор?

— Я не отпускал пленных.
— Тогда откупился. Но чем? Норги не признают золота, берут только коней и рабов. У тебя не могло быть столько.

— Я не платил.

— А что сделал?

— Убил их. Всех.

«Как?» — хотел сказать Тьерри, но, натолкнувшись на взгляд барона, промолчал. А тот, плеснув себе из кувшина, не спеша выпил.

— Тебе лучше остановиться у Огюста, — сказал лейтенант, отводя взгляд. — На постоялом дворе полно комнат, есть даже с отдельным входом. Удобно, если нужно привести кого-то тайно...

Он осекся. Рей согласно кивнул.

— Тогда... — начал Тьерри и не договорил. В зал шагнул странно обряженный человек. Его голубое бархатное трико было украшено черными ромбами, как и колпак с длинной кисточкой, свисавшей до плеча. Сапоги с длинными, острыми носами и золотая цепь с гербом герцогства на груди говорили о принадлежности незнакомца к власти.

— Благородные господа! — воскликнул ряженный. — Кто из вас барон де Бюи?

— Я! — ответил Рей, с любопытством разглядывая явление.

— Ее светлость герцогиня Барская Элеонора приглашает вас на вечерний прием. Примите!

Ряженный подал Рею свернутую в трубочку грамоту.

— Передайте, что непременно буду! — заверил барон.

Ряженный церемонно поклонился и вышел.

— Что за чучело? — спросил Рей.

— Герольд! — вздохнул Тьерри. — Недавно завели. Барон, между прочим.

- Родгер обходился посыльным.
- Много поменялось, — буркнул лейтенант. — Счастливчик! Не успел приехать, как уже зовут. Другие неделями ожидают.
- Не напрашивался.
- Рей! — Тьерри схватил его руку. — Это не случайно. Тебя ожидают милости. Наверное, награда за норгов. Прошу! Ради нашей дружбы... Замолви словечко! Сколько мне в лейтенантах ходить?!
- Ладно! — согласился барон, пряча грамоту.

* * *

Ступив в тронный зал, Рей остановился и завертел головой. Ожидавших приема было немного. С десятков баронов — явно провинциальных, судя по безвкусно обвешанной драгоценностями одежде; их жены и дочери, так же нелепо разряженные; несколько придворных, гвардейские офицеры — всего человек тридцать. Зал мог вместить в разы больше. И вмещал. При покойном герцоге на прием являлись все кому не лень. Старый вояка, начавший службу простым солдатом, Родгер не любил церемоний. К нему запросто обращались на улицах и в харчевнях, герцог шутил с простолюдинами и мог хлопнуть по задку проходящую девку. Та взвизгивала, а Родгер хохотал, задирая голову на бычьей шее. На прием к нему приходили, обвешанные оружием, порою во хмелю, но маршал, сам не дурак выпить, никого не выгонял. Вино и оружие провоцировало ссоры, дворяне в зале сцеплялись, в ответ Родгер трубно рычал, и спорщики умолкали, опасаясь прогневать маршала. Его боялись больше врагов.

Для поединков существовали оговоренные места, и дуэлянтам не препятствовали, только иногда герцог обещал сослать самых ретивых на границу с норгами. «Дворяне наши грубы и необузданны, — говорил он. — Только сталь может научить их вежливости».